

современными технологическими разработками и возникновением новых этических проблем, роль адвокатской этики стала жизненно важной, требуя от адвокатов постоянного самосовершенствования и неукоснительного соблюдения этических принципов.

Список использованной литературы

1. Барщевский, М. Ю. Адвокатская этика / М. Ю. Барщевский. – М. : Профобразование, 2010. – 312 с.
2. Багаува, Д. Р. Этика адвоката как система норм и принципов, регламентирующая поведение профессионального юриста / Д. Р. Багаува, Г. В. Вахитова // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-advokata-kak-sistema-norm-i-printsipov-reglamentiruyuschaya-povedenie-professionalnogo-yurista>. – Дата доступа: 13.04.2025.
3. Об утверждении Правил профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 30 сент. 2021 г., № 180 // ЭТАЛОН : информационно-поисковая система. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=w22137239&q_id=128282. – Дата доступа: 13.04.2025.
4. Матвийчук, С. Б. Профессиональная этика адвоката / С. Б. Матвийчук // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 2 (22). – С. 184-194.
5. Бураева, И. В. Проблемы правового регулирования принципов профессиональной этики адвоката / И. В. Бураева // Цивилистика: право и процесс. – 2020. – № 2 (10). – С. 81-83.
6. Шалашников, Г. В. Соблюдение адвокатской тайны как обязательный элемент профессиональной этики адвоката / Г. В. Шалашников // Проблемы развития правовой системы России: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тула, 26 мая 2023 г.) / Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), Тульский ин-т (филиал). – Тула, 2023. – С. 174-178.
7. Сибирцев, Г. И. Теоретические основы института адвокатской тайны в уголовном процессе / Г. И. Сибирцев // Адвокатская практика. – 2015. – № 6. – С. 27-33.
8. Анюховская Н. В. Адвокатская тайна и проблемы реализации независимости адвоката-защитника / Н. В. Анюховская, Д. С. Ястреб // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : материалы II международной научно-практической конференции, Донецк, 20-21 мая 2022 г. / Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия» ; редкол: С. Ю. Мироненко (отв. Ред.) [и др.]. – Донецк, 2022. – С. 25-30.

УДК 930:94:343.337.5(=161.3):355.355(430)«1941-1944»

И. В. Немкевич

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В БЕЛАРУСИ

В материалах собраны документальные свидетельства того, что политика грабежа, террора и геноцида в Беларуси была преднамеренно спланирована и проводилась немецко-фашистскими оккупантами в соответствии с установками, приказами и инструкциями высшего политического и военного руководства нацистской Германии.

Сохранение исторического прошлого страны и в первую очередь – исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной

войны является одним из идеологических императивов правовой политики нашего государства [1, с. 9]. Вступление в жизнь новых поколений заставляет представителей историко-правовой науки не ослаблять внимания к задаче выработки у нашего общества устойчивого иммунитета к попыткам фальсификации этой трагической и героической страницы отечественной истории, каким бы «флагом» эти попытки не маскировались. Приговор, вынесенный мировым сообществом преступной идеологии и практике нацизма, не может быть ни предметом забвения, ни предметом «модернизации», ни предметом «войны памяти». Не случайно утвержденная 25 апреля 2024 года решением Всебелорусского народного собрания Концепция национальной безопасности Республики Беларусь называет противодействие реабилитации нацизма в числе основных направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности (глава 8).

Одним из примеров циничной и подлой фальсификации отечественной истории являются попытки оправдать «жесткие меры» оккупационного режима фактами сопротивления установленному нацистами «новому порядку» и необходимостью защиты «освободителей» от подрывных действий «бандитов». Квалифицированная и адекватная реакция на подобные попытки должна, на наш взгляд, включать достижения полной и убедительной ясности в вопросе о действительных причинах установленного оккупантами режима террора и геноцида.

В основу криминологического анализа причин и условий массового совершения актов геноцида немецко-фашистскими оккупантами в Беларуси должны быть положены принципы международного права, содержащиеся в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге и выраженные в его приговоре. Нюрнбергский процесс 1945-1946 годов стал первым в истории международным судом, признавшим агрессию тягчайшим уголовным преступлением, доказавшим органическую связь преступлений геноцида с идеологией фашизма и политическим режимом нацистского государства. Справедливо и заслуженно были наказаны не только непосредственные исполнители преступных планов и приказов, но и высшие государственные и военные деятели фашистской Германии, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в разработке и принятии таких планов, приказов и инструкций. Трибунал признал преступными организациями не только террористические структуры СС, гестапо, СД, но и руководящий состав нацистской партии. Трагические события новейшей истории лишь подчеркивают справедливость и значимость юридического анализа, проведенного в середине двадцатого века.

Таким образом, политика грабежа, террора и геноцида была органически связана с природой фашизма и идеями, изложенными в нацистском манифесте – книге «Майн кампф». Обосновывая тезис о необходимости уничтожения Советского Союза любыми методами, А. Гитлер призывал отбросить в сторону всякие представления о гуманности. «Потомки не спросят нас», заявил он, какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились [2, с. 104]. Военная доктрина нацистской Германии требовала придания войне на Востоке характера расовой войны на уничтожение. Фюрер подчеркивал: «На Востоке жестокость является благом для будущего» [Цит. по: 2, с. 118]. Для высшего государственного руководства и генералитета подобные заявления фюрера служили не только важнейшей идеологической установкой, но и практическими указаниями для составления приказов и инструкций по осуществлению военных действий против СССР и установлению оккупационного режима на захваченных территориях. Красноречиво свидетельствует об этом, например, следующий фрагмент из приказа командира 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гёпнера, подписанного накануне вторжения. «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа, - говорилось в приказе. – ...Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью» [Цит. по: 2, с. 118].

Развертывание войны на уничтожение призваны были призваны обеспечить принятые накануне вторжения в СССР приказы и инструкции Верховного главнокомандования вермахта. 13 марта 1941г. были приняты «Руководящие указания по специальным вопросам в дополнение к директиве № 21» («Инструкция об особых областях к директиве № 21»), 28 апреля 1941г. – «Положение о действиях полиции безопасности и СД в составе сухопутных сил», 13 мая 1941г. – распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования В. Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск». 1 июня 1941г. уполномоченный по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Бакке подписал инструкцию о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации (так называемые «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»).

«Инструкция об особых областях к директиве № 21» передавала власть на оккупированной территории командованию немецкими Вооруженными силами и наделяла рейхсфюрера СС Гиммлера специальными полномочиями, означавшими установление системы террора. «Правила», включенные в распоряжение «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск», должны были обеспечить условия для массового использования мер террора в качестве основного метода «замирения покоренных областей». Оккупанты освобождались от дисциплинарной и уголовной ответственности за преступления против местного населения: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военными служащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [3, с. 28–29].

Действия же «враждебных гражданских лиц» изымались из подсудности судам; всю судебную власть в отношении местного населения документ передавал в руки любого немецкого офицера. Заподозренные элементы, предписывала инструкция, «...должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны» [3, с. 28]. Массовые репрессии в отношении целых населенных пунктов должны были «немедленно» применяться распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона. «Сохранять» же заподозренных «для предания их суду» категорически воспрещалось. От исполнителей запланированной политики террора и геноцида требовалось заблокировать в себе любые предохранители гуманности: «Для разрешения поставленных на Востоке задач требуется, однако, чтобы вы не подходили к вещам с узкой западноевропейской меркой» [3, с. 30–31]. В инструкции о поведении должностных лиц статс-секретарь Бакке разъяснял: «В течение столетий русский человек испытывает нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему, не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособляя его к немецкому жизненному стандарту» [3, с. 34]. Документ обязывал «с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [3, с. 32].

Третья статья Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него включает в число наказуемых деяний не только действия лиц, совершающих геноцид, но и заговор с целью совершения геноцида, а также прямое подстрекательство к нему [4, с. 460]. Рассмотренные документы с очевидностью соответствуют такой квалификации, а установленные в них правила служили основанием и делали неизбежным массовое совершение оккупантами на территории Беларуси и других оккупированных территориях преступлений геноцида (статья 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь), против безопасности человечества (статья 128) и нарушения законов и обычаев войны (статьи 135 и 136). Террористическая практика оккупационного режима в Беларуси не была ни импровизацией, ни «эксцессом исполнителя». Как справедливо отмечает немецкий профессор Д. Айххольц, совершенные германской армией на оккупированной территории Советского Союза – это

«не отдельные злоупотребления или эксцессы, а действия, которые основывались на решениях высшего военного руководства и командующих войсками на фронте и в тылу» [5, с. 85]. Именно в этих решениях следует искать ответ на вопрос о причинах и условиях преступлений немецко-фашистских оккупантов в Беларуси.

Тот факт, что все упомянутые выше установки, приказы и инструкции были утверждены фашистским правительством и верховным главным командованием немецкой армией еще до нападения, свидетельствует о заблаговременно продуманной государственной политике фашистской Германии. Данное обстоятельство является главным и достаточным доказательством ничтожности «аргумента» о вынужденных жестоких мерах «замирения» и реагировании на акты сопротивления «новому порядку».

Аморальность и политическая провокативность попыток возложить ответственность за агрессию и террор на сами жертвы таких преступлений самоочевидны. «Нам не оставили выбора» – этот «аргумент» в хрестоматии для агрессоров был внесен организаторами преступлений немецко-фашистских оккупантов. Обсуждая на совещании с руководителями фашистского рейха 16 июля 1941г. «мотивировку перед миром» действий оккупантов, Гитлер инструктировал рейхсмаршала Геринга, фельдмаршала Кейтеля, рейхслейтера Розенберга и других: «Мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести порядок и установить безопасность» [3, с. 47]. При этом «все необходимые меры – расстрелы, выселения и т.п.» должны оправдываться тем, что «мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т.п.» [3, с. 47–48]. Реализуя установки фюрера, фельдмаршал Кейтель в своем приказе 16 сентября 1941г. уточнял задачи оккупационных властей: «Следует постоянно помнить и всячески подчеркивать в пропагандистских мероприятиях, что самые решительные меры освободят также местное население от коммунистических преступников и поэтому принесут ему пользу» [6, с. 27]. В отказе местного населения безропотно принять уготованный им геноцид организаторы последнего едва ли не с радостью усматривали фактор, облегчающий оккупационным властям реализовывать их преступные цели. Так на совещании 16 июля 1941г. Гитлер объяснял присутствовавшим: «Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас» [3, с. 48]. Циничный рационализм «классиков» агрессии и террора не может не поражать...

Сегодня Генеральная прокуратура Республики Беларусь проводит масштабное расследование факта геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В качестве основных источников информации, содержащих доказательства геноцида, выступают архивные материалы (акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, уголовные дела в отношении изменников Родины, трофейные документы нацистских карателей и другие), а также показания (воспоминания) живых очевидцев (потерпевших и свидетелей) злодеяний, совершенных нацистами на белорусской земле. В базу таких источников, на наш взгляд, должны быть включены и документы высшего политического и военного руководства нацистской Германии, доказывающие намеренный и спланированный характер преступлений оккупантов.

Список использованной литературы

1. Концепция правовой политики Республики Беларусь: по состоянию на 2 окт. 2023 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 32с. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.

2. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 4: Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939-1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: Н.Б. Нестерович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 567 с.

3. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944гг.) / Сост.: Заставенко Г. Ф. (рук) и др.; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.

4. Щербаков, В. В. Права человека: сб. международно-правовых документов [Текст] / В. В. Щербаков. – Мн.: Белфранс, 1999. – 1146с.

5. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. 2002. № 6. – С. 62-89.

6. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941 – 1944. – Минск: Беларусь, 1965. – 464 с.

УДК 340.1

Н. А. Плахотина

(ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
Российская Федерация)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ

В работе исследуется проблема определения оптимальных универсальных критериев оценки эффективности правового регулирования. Обоснован тезис о том, что критерии оценки эффективности правового регулирования целесообразно определять с учётом основных функций правового регулирования. Предложен перечень критериев, способный стандартизировать методику оценки эффективности правового регулирования во всех сферах общественной жизни, а также способствовать своевременному устранению дефектов в правовом регулировании.

Согласно положениям Основного Закона, Россия и Беларусь являются демократическими, правовыми, социальными государствами [1, ст. 1], [2, ст. 1], что свидетельствует о приверженности к общепризнанным гуманистическим ценностям. Однако практическая реализация указанного конституционного положения невозможна без обеспечения высокого уровня эффективности правового регулирования общественной жизни.

Эффективность правового регулирования является одним из наиболее неоднозначных вопросов в теории права. К сожалению, в юридической науке вопросам эффективности правового регулирования и критериям её оценки не уделяется достаточного внимания. В большинстве работ делается вывод о том, что основным фактором, влияющим на эффективность правового регулирования, является совершенство законодательства, правотворчества, правоприменения и правовой охраны [3, с. 51-68]. Данная позиция, безусловно, заслуживает поддержки. Однако она является слишком абстрактной для её реализации в практической деятельности. Для реальной оценки эффективности правового регулирования необходима выработка чётких критериев, а не апеллирование комплексом абстрактных общетеоретических понятий.

Представляется, что эффективность правового регулирования следует определять исходя из степени реализации функций правового регулирования. К числу функций правового регулирования в юридической науке относят: а) функцию упорядочения, которая